

МАША ТРАУБ

ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ

Маша Трауб

Пьяная стерлядь (сборник)

«ЭКСМО»

2012

Трауб М.

Пьяная стерлядь (сборник) / М. Трауб — «Эксмо», 2012

Если честно, рассказы – мой любимый жанр. Одна история из жизни персонажа. Анекдотическая или трагическая, бытовая или на грани того «что со мной такое уж точно никогда не случится». Мне нравится это «короткое дыхание», как у спринтера, когда на двух страницах можно уместить целую жизнь. Маша Трауб

Содержание

Иван да Марья	5
По ту сторону забора	20
Зинка одноглазая	22
Счастливый брак	27
Илона Давидовна	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Маша Трауб

Пьяная стерлядь (сборник)

Моя огромная благодарность Ксении, Ольге, Оле, Ольге Ивановне, Насте, Ларисе, а также всем женщинам, без которых наша жизнь не была бы такой, какая она есть. Всем тем, кто любит, чувствует, страдает, пускается в авантюры, живет с открытым сердцем и душой. Тем, кто не потерял способность плакать и смеяться одновременно. Тем, кто каждый день проживает так, как может прожить его только женщина.

Маша Трауб

Иван да Марья

– Катюш, ты к папе съезди, узнай, как он там...

– Хорошо, мама, съезжу.

– Подарочек ему собери какой-нибудь.

– Да, мама, не волнуйся.

Катя сидела у кровати матери, и ее трясло от бессилия, злобы и такой всепоглощающей ненависти, что ни о чем другом она даже думать не могла.

Мать умирала. Это началось лет восемь назад. Катя работала в городе, мать жила в деревне.

– Катюш, надо бы плиту по весне поменять, – позвонила ей однажды мать.

– Мам, мы же только новую поставили, два месяца назад, – удивилась Катя.

– А ты еще обещала мне стиралку на Восьмое марта подарить, – тоном капризного ребенка сказала мать.

– Так я и подарила, – еще больше удивилась Катя.

– Мне тяжело руками стирать, а старая машинка совсем не крутит, – продолжала мать, как будто не слышала.

– Мам, у тебя в ванной стоит новая машина. И плита тоже новая. Мы ее вместе выбирали. Забыла?

– Ничего я не забыла, – ответила мать обиженно. – А вот ты про меня совсем не помнишь. Живи, мать, как хочешь. А если плита взорвется? Ей же столько лет, сколько тебе! И руки у меня уже совсем не держат – выкрутить пододеяльник не могу! А тебе все равно!

– Хорошо, мам, приеду, все поменяю, – сказала Катя, чтобы прекратить этот бессмысленный разговор.

Оказалось, что у матери Альцгеймер, она знала о диагнозе, но скрывала его от Кати.

Началось с плиты и стиральной машинки, которые в памяти матери остались старыми и нуждались в замене. Потом стало хуже.

– Ты почему столько времени не звонишь? – закричала мать, позвонив. Катя поговорила с ней накануне.

– Мамуль, мы же вчера с тобой разговаривали...

– Я тебе уже три часа дозваниваюсь! Ты же знаешь, что я на этом новом телефоне цифр совсем не вижу. Три часа звоню и попадаю не туда. А если со мной что-то случится? Как я тебе позвоню? И кстати, почему ты не подходишь к домашнему телефону?

– Мам, я же тебе сто раз говорила – звони мне на мобильный. Я всегда с ним. Домой я только к вечеру добираюсь.

– А как звонить на твой мобильный? А сколько мне это будет стоить? Квитанция придет? Я же до сберкассы не дойду!

– Мам, у тебя там над телефоном записочка висит с цифрами. Я тебе в прошлый раз написала все. Ничего сложного.

– Мне привычнее звонить тебе на домашний. Его я помню.

– Хорошо, только не нервничай.

Катя разрывалась между работой и заботами о матери. Она платила соседке, чтобы та следила за ней, мыла полы в доме, приносила еду. Женщина оказалась хорошей, внимательной, но мать была недовольна. Каждые выходные Катя рвалась в деревню. Недалеко вроде бы, но за субботу и воскресенье она выматывалась так, что работа в офисе ей казалась отдыхом. Катя приезжала в деревню и начинала уборку – мать жаловалась на пыль, грязные окна, пол в пятнах. Была недовольна сиделкой – та неряха, все вечно переставляет с места на место – ничего найти нельзя. И гладит плохо, с одной стороны, абы как. И полы моет шваброй, а не руками. И готовит плохо – суп и то нормальный сварить не может.

– Мам, у тебя же диета. Тебе нельзя жирное, жареное, – убеждала ее Катя.

– Это ты специально выдумала, чтобы мяса мне не покупать, – стояла на своем мать.

Когда Кате на работе предложили в командировку на две недели, она легко согласилась – хотела уехать, чтобы под любым предлогом не звонить матери, отодвинуть от себя ее болезнь.

– Мам, мне нужно уехать. Я не приеду в выходные.

– Ну и не надо. Ты и так тут целыми днями толчешься, – ответила мать. – У тебя хоть работа-то есть? Чего ты дома сидишь? Надо работать. Я в твои годы...

Катя уехала. Но сердце было беспокойно. Она так и не смогла расслабиться, отключиться и хоть на время забыть о том, что ее ждет дальше. Вернувшись, прямо из аэропорта она отправилась к матери.

– Ты чего? – та встретила ее на пороге, как будто ждала. – Что-то случилось?

– Нет, мам, просто приехала тебя навестить.

– Так вчера же только была!

– Мам, меня не было две недели. Я только вернулась из командировки.

– Не морочь мне голову! Какая командировка? Ты же даже не работаешь! Мою пенсию уже потратила! Сама заработать не можешь и меня обираешь!

Кате исполнилось пятьдесят. Теперь она осталась одна – не нужная ни матери, ни единственному сыну, который жил своей жизнью. Сыну от нее нужны были только деньги. Матери вообще не понятно, что было нужно.

Катя держалась за работу руками и ногами, понимая, что тянуть их обоих придется до последнего. Ей нужна была работа, чтобы куда-то уходить, хотя бы шесть часов не думать о том, что ее ждет дома. Сын опять станет сидеть перед компьютером с остекленевшим взглядом. Мать позвонит, и Катя по первым словам будет пытаться понять, в каком она состоянии. Просвет или опять все плохо? Сын бабушку ненавидел и считал ее старой сумасшедшей старухой. Впрочем, мать он тоже ненавидел, потому что она ему ничего не дала в жизни – ни квартиры, ни денег, ни машины. Он считал, что Катя ему должна. Когда она к нему подходила и спрашивала, как дела, сын надевал наушники и погружался в свой виртуальный мир.

Катя с этим смирилась. Давно.

Как-то она приехала к матери, та вроде была «в себе».

– Катюш, у тебя ребенок-то есть? – вдруг ласково, жалостливо спросила мать.

– Есть, сын, твой внук, – ответила Катя.

– А откуда ребеночек? Ты же замужем не была, – удивилась мать.

Катя действительно родила сына для себя, без мужа. Но мать сделала свой вывод – раз дочь не была замужем, значит, у нее нет ребенка, значит, и внука нет.

На выходные Катя уговорила сына приехать в деревню:

– Бабушка болеет, надо ее навестить. Я тебя очень прошу.

– Она же все равно ничего не помнит. Зачем? – спросил он, не отрывая взгляда от мерцающего монитора.

– Затем! – крикнула Катя.

Сын приехал в субботу, а Катя вырвалась в деревню в воскресенье. Мать придвинула тумбочку к двери своей комнаты, забаррикадировалась и не открывала.

– Mam, открой, это я! – закричала Катя.

– Кто это? – отозвалась из-за двери мать. – Не открою!

– Что с ней? – спросила у сына Катя.

– Чокнулась, – равнодушно пожал плечами сын. – Еще вчера закрылась и не открывает.

– Mam, мама, открой! – Катя скребла дверь.

Наконец мать приоткрыла дверь на узкую щелку. Из комнаты пахнуло мочой.

– Mam, ну ты чего? – ахнула Катя.

– Быстро заходи. – Мать дернула ее за руку, втащила в комнату и опять пододвинула тумбочку. Откуда только силы взялись?

– Что ты? Что случилось?

– Мужик в дом залез. Ходит со вчерашнего вечера. Как хозяин. Убить меня пришел.

– Mam, это не вор, это твой внук. Приехал тебя проведать.

– Какой внук? У меня нет внука. Откуда? Ты еще и замуж не вышла.

Катя села на кровать, не зная, что делать дальше. Мать согласилась выйти из комнаты только после того, как внук громко прокричал, что он уходит и больше не вернется – это было чистой правдой.

Потом мать перестала узнавать даже Катю.

– Ты кто? – спрашивала она.

– Катя, твоя дочь, – терпеливо отвечала Катерина.

– А где Настя?

– Скоро придет.

Настя была той самой сиделкой, которая приглядывала за матерью в течение недели.

– Ты не так все делаешь, позови Настю, она знает, – говорила мать, когда Катя перестилала постель, мыла ее в ванной или кормила из ложечки супом. – Настя мне больше нравится, а ты совсем безрукая.

Катя уже даже не плакала. Просто кивала и звала Настю, суя ей в карман деньги за неделю и за срочный вызов в выходной день.

Нет, это еще был не конец. Еще через год мать вдруг стала узнавать Катю, ждала ее, требовала приехать только ради того, чтобы задать один вопрос: «Как там Ванечка?»

– Ты к нему ездила? Съезди. Как он? – спрашивала мать Катю, когда та, измотанная, выпотрошенная, приезжала с сумками в деревню.

– Все хорошо, – отвечала Катя.

– А ты ему подарок отвезла? Одеколон ему купила? Он любит одеколон. Не болеет он?

– Не болеет. Все нормально, – отвечала Катя и задыхалась от злости.

Ванечка, Иван Петрович, был Катиним отцом, мужем матери. Бывшим. Давно бывшим. И только он остался в ее памяти, в которой стерлись дочь, внук и даже любимая Настя. Только о нем она беспокоилась, спрашивала и переживала. Больше никто для нее не существовал – только ее Ванечка. Для нее он был самым ценным, самым главным. Ее прошлым и настоящим.

Катя простить этого матери не могла. Все простила, все забыла, но в свои уже немолодые годы она становилась маленькой девочкой, которая все помнила так же остро, как и много лет назад. Ничего не прошло. Время не вылечило.

Иван Петрович Козлов – мужчина с безупречными именем и фамилией, репутацией, биографией и рабоче-крестьянской родословной – родился под Ленинградом. Окончил инже-

нерно-строительный техникум, поступил в институт, откуда и ушел в армию, на войну. Судьба его берегла. Он не умер, не был ранен, не попал в плен. Конец войны он встретил практически здоровым молодым мужчиной, лишь отлежался в госпитале после контузии, не такой уж и тяжелой, как он это преподносил.

Куда тяжелее была любовь к Ивану его лечащего врача – Клавдии Степановны, которая не хотела с ним расставаться и не выпускала из госпиталя. Эта женщина полюбила своего пациента, этого молодого, сильного, статного мужчину, как может полюбить женщина, лишенная всего – быта, дома, семьи, мужа, – и спасла его от гибели. Держала в госпитале до последнего, до Победы, назначая лечение и обследования. Она не хотела его терять. Не могла выписать и отправить на фронт, поэтому подделала документы и карту, приписала тяжелую контузию. Защитила. Думала, что бережет для себя.

Он не был ей благодарен и совершенно не собирался жить с ней после Победы. Новую жизнь он представлял себе с кем угодно, но только не с докторшей. Он спал с ней, назад на войну не рвался. Считал, что все так, как должно быть, все честно – он получает уход, заботу медсестричек, а платит за это тем, что может дать мужчина женщине. Иван не любил ее, не жалел, не был признателен. Он ею пользовался, считая, что она пользуется им.

Он расстался с Клавдией Степановной легко и радостно, под звук праздничного салюта, стук граненых стаканов, наполненных медицинским спиртом, разбавленным водой. Он получил от нее все, что хотел. Начиналась новая жизнь, и в новой жизни врача с отеками ногами и мешками под глазами была ему не нужна.

Из госпиталя Иван вышел героем, победителем. Медсестрички, две из которых были его любовницами, плакали навзрыд и подарили букеты полевых цветов. Он был удивительно хорош в военной форме, любовно отутюженной, в начищенных до блеска сапогах, с медалями на груди, которые дались ему легко. Так же легко, как любовь женщин. Он уходил из госпиталя радостно, спокойно зачеркнув прошлое. Пока он махал безутешным медсестричкам, Клавдия Степановна выпила полстакана спирта, в котором тщательно размешала горсть таблеток. Ее не успели откачать. Иван так об этом и не узнал.

Учитывая безупречную репутацию, биографию и происхождение, Иван Петрович Козлов был направлен на ответственную работу – занял пост коменданта в маленьком городке под Кенигсбергом, который вскоре переименовали в Калининград. Ему выделили дом, двор и дали в руки власть. Для полного счастья и окончательно безупречной биографии не хватало только жены, которая, впрочем, нашлась очень быстро.

Катина мать приехала в этот городок по зову сердца и Сталина – преподавать в советской школе. Она была правильная, идейная комсомолка, будущий член партии, учительница, круглая сирота. Идеальный вариант.

Ивану, который еще в госпитале понял, что женщины его любят только за то, что он мужчина, ничего не стоило очаровать молодую учительницу Машеньку Сидорову, умницу, но далеко не красавицу, что ему было и не нужно. Иван давно понял – чем более непривлекательной ощущает себя женщина, тем в большей степени она становится ему благодарной. Он тщательно проверил будущую жену на предмет родственных связей, происхождения и остался доволен.

Машенька Сидорова влюбилась в него сразу и навсегда. Нельзя было не влюбиться. Комендант с собственным домом. Фронтовик, красавчик, плотный, широкий в плечах, высокий, наделенный властью. После войны – уникальный мужской экземпляр, заботливо сохраненный Клавдией Степановной.

Свадьбу сыграли по меркам послевоенного времени пышную, и Машенька переехала к мужу, в новый двухэтажный дом, который приходила убирать домработница – немыслимая роскошь. Каждое утро Машенька подходила на цыпочках к ванной – огромной комнате, украшенной изразцами, – и смотрела, как муж собирается на работу. Иван знал за собой один

недостаток – плохие волосы, жидкие и блеклые, поэтому голову он брил так же, как щетину, – опасной бритвой, которую точил на специальном ремне.

Это посоветовала еще та врачиха, Клавдия Степановна, лично побрив ему однажды голову. Она поднесла к его лицу зеркало и сказала, что он очень красивый. Она смотрела на него и любовалась. Этот взгляд Иван заметил и не забыл. С тех пор тщательно обрабатывал затылок и сбрасывал даже брови. Безволосый, он притягивал к себе взгляды женщин, а отсутствие бровей внушало им страх – панический, на бессознательном уровне. Машенька была тиха и покорна. Замирала, как жертва перед палачом.

Мужа она любила безумно и так же безумно боялась. У Ивана была еще одна особенность – отсутствие мимики. Он умел владеть лицом. Только глаза в момент эмоционального всплеска – обычно прозрачные, голубые с жижей, – темнели, наполняясь зеленцой – подгнившими водорослями. По цвету глаз Машенька определяла настроение мужа.

С этим страхом соперничал только ужас перед живыми угрями, которые плескались в огромных баках для белья, стоявших в ванной. Иван любил жареных угрей, и живые твари никогда не переводились в баках. Машенька не находила в себе сил даже заглянуть в бак, где копошились склизкие, проворные рыбины. Угрей вылавливала и готовила домработница – молчаливая женщина из местных, тайно влюбленная в своего хозяина и брезгливо относившаяся к Машеньке.

Машенька не знала других мужчин, кроме Ивана, и все принимала как должное. Только дома ей было плохо и страшно. Она боялась и угрей, и мужа, и домработницу, поэтому задерживалась на работе, отдавала себя всю детям, ходила на собрания, брала общественную нагрузку и по вечерам тщательно готовилась к вступлению в партию.

То, что она беременна, Машенька обнаружила не сразу. И очень удивилась. Она все знала про Сталина, про партию, но ничего не знала про себя как женщину.

Еще месяц она страшилась сообщить мужу, что ждет ребенка. Боялась, что он ее «заругает». Но Иван даже обрадовался. Ему нужен был ребенок как важный пункт в анкете.

Машенька родила девочку, которую муж назвал Катей. Машенька не спрашивала, почему именно Катей, – постеснялась.

Как настоящая комсомолка, будущий член партии, Машенька не собиралась превращаться в мещанку и с радостью отдала дочку на попечение домработницы, заново окунувшись в мир собраний и совещаний. Она была нужна там, на работе, где под ее надзором находились детишки, которых нужно было учить любить Сталина. Машенька мечтала построить идеальную советскую школу, которая будет соответствовать гордому имени Зои Космодемьянской, которое носила. Она не жалела на это ни сил, ни времени.

...Дочка Катя сразу же прикипела к домработнице и горько плакала, когда мать или отец брали ее на руки. Машенька не ревновала, даже была рада, что дочка понимает, насколько важна для матери работа. Домработница вцепилась в Катю мертвой хваткой и не выпускала из своих рук.

Катя помнила и огромный дом, и то, как они с отцом ходили на берег моря – он сажал ее на плечи и нес, держа за руки. А она замирала от восторга, высоты и счастья. Катя помнила, что домработница наряжала ее в красивые платья, играла с ней в куклы, немецкие, трофейные, и вплетала в косы банты. Ее детство было настолько счастливым, насколько это было возможным в те годы.

Что произошло потом, Катя не помнила. Ей было лет одиннадцать, когда для нее началась новая жизнь.

В хрущевское время отец потерял работу, и семья была вынуждена переехать в другой город. Он занимался строительством, вечно в разъездах, дома его практически не бывало. Катя с матерью ездили за ним – из города в город, всякий раз обживаясь на новом месте. Машенька устраивалась в ближайшую школу, не зная, надолго ли в ней задержится. Не было больше ни

собраний, ни турпоходов. Она стала бледной тенью себя прошлой – вечно запуганной, уставшей, хмурой. Жила в ожидании мужа, таскалась за ним, как побитая, выброшенная на помойку блохастая собака, которая все равно возвращается к своим хозяевам.

Катя тогда уже почти по-взрослому смотрела на отца, который тоже стал другим. Чужим, страшным, посторонним мужчиной.

Она его раздражала и прекрасно это чувствовала, поэтому старалась не попадаться отцу на глаза. Он стал жестоким. За малейшую провинность снимал с гвоздя ремень, на котором точил свою опасную бритву, и лупил дочь. Доставалось и Машеньке, хотя она не пыталась прикрыть Катю, не вмешивалась.

Что произошло с отцом, Катя так никогда и не узнала, зато запомнила его именно таким, каким он был тогда: лысым, безбровым, жестоким, малознакомым мужчиной, не имевшим ничего общего с папой, катавшим ее на плечах.

Отец мог не дать Машеньке денег на продукты, о новых ботинках для Кати можно было даже не заикаться, но себе ни в чем не отказывал. Он любил бурки, пальто с каракулевым воротником. Одевался, наряжался, подолгу стоял перед зеркалом – ему это нравилось.

Когда они приезжали в новую квартиру, отец заходил первым и осматривал помещение. Он всегда выбирал себе самую большую, лучшую комнату. Или, если это была коммуналка, – самый просторный угол, отгороженный ширмой. Это была его территория, на которую он заходить запрещал. Мать приучила Катю убирать в комнате отца так, чтобы ни одна вещь не была сдвинута с места.

В обязанности Кати входила и уборка ванной для отца. Если в доме ее не было, отец покупал себе огромную ванну, и Катя ведрами со двора носила в нее воду. Отец грел воду ручным кипятильником и лежал, пока вода не остывала. Катя вытаскивала грязную воду на улицу, отдраивала ванну так, чтобы она была идеально белой. Они с матерью мылись в корыте – цинковом, которое висело на гвозде в коридоре. Залезть в ванну они не имели права – отец брезговал.

После ванной он требовал вареников – с вишней или с картошкой и луком. Катя с Машенькой по ночам лепили вареники, чтобы у него всегда было наготове любимое блюдо.

По вечерам Иван запирался в комнате и подолгу сидел с ручным арифмометром, что-то вычисляя, или поливал фикус, который возил с собой. У него не было друзей, к ним никогда не приходили гости, они тоже никуда не ходили. Катя не могла пригласить в дом подруг и не могла пойти сама – ее никто не звал. Да и отец бы не позволил.

Вся семья, то есть Машенька и Катя, жили по жесткому режиму, который нельзя было нарушать. Как в казарме. Они завтракали в одно и то же время, Катя должна была лежать в постели ровно в девять тридцать вечера и ни минутой позже. Она не могла даже включить свет, чтобы почитать. Отец вообще считал, что книги – это зло и ненужная прихоть. Он читал только газеты.

Помимо арифмометра и фикуса, у отца была огромная физическая карта Советского Союза, которую он возил за собой и вешал на стене в своем «кабинете». Когда у него было плохое настроение, он звал Катю, давал ей в руки указку и требовал перечислить все союзные республики со столицами, показать границы.

Катя географию ненавидела. Около карты ей становилось плохо в буквальном смысле слова – перед глазами плыло, накатывала тошнота, она еле держалась на ногах. Она знала, что за ошибку отец ее выпорот, но ничего не могла с собой поделать. На нее находил такой ступор, что она даже Москву найти была не в состоянии. Отец кричал, что она идиотка, debilка, снимал со стены ремень и лупил ее, как сидорову козу.

Уже будучи взрослой, Катя пыталась понять происхождение этих приступов жестокости, агрессии и ненависти.

Однажды мать подала ему на ужин уже остывшую картошку. Отец вообще любил все горячее, обжигающее, чтобы шел дым или пар. Он схватил табуретку, ударил по столу, отломав ножку, и этой самой ножкой избил Машеньку. Та не сопротивлялась, считая себя виноватой – да, получила по заслугам. Так ей и надо. Эта покорность Катю удивляла, возмущала – она не могла понять, почему мама все это терпит. И главное, почему отец стал таким? Он никогда не пил, не курил. У него не имелось психических заболеваний, тяжелых ран, которые давали бы о себе знать.

Два раза в год отец отправлялся в госпиталь на обследование – поправить здоровье и подлечиться. Ездил неизменно в теплые места – Туапсе или Майкоп. Возвращался всегда с арбузом. Огромным, спелым, который резал лично, ровными дольками, забирая себе на тарелку сахарную серединку.

– А можно мне серединку попробовать? – попросила однажды Катя.

– Нет, – ответил отец.

– Тебе жалко?

– Жалко.

Катя тогда не сдержалась:

– Mam, я тоже хочу серединку, хоть чуть-чуть. Почему он всегда ее ест?

– Ты совсем, что ли, страх потеряла? – Отец изменился в лице.

– А что я такого сделала? – чуть не закричала Катя. – Я просто попросила немножко серединки!

– Иди вон отсюда.

– И пойду!

Катя схватила с тарелки отца кусок, запихнула в рот и выбежала из кухни.

До вечера она бродила по городу, замерзла, проголодалась и с ужасом представляла, что будет, когда она вернется.

Дома стояла тишина, отца не было, мать спала. Катя пробралась на свою кровать, схватив на кухне кусок хлеба, и юркнула под одеяло.

Утром, когда она проснулась, мать сидела на стуле уже одетая.

– Ты поедешь в интернат, – сказала она.

– В какой интернат? – Катя ожидала любого наказания, но не этого.

– В обычный интернат. Собирай вещи.

– Зачем?

– Так отец велел.

– Надолго?

– На сколько надо, на столько и поедешь. Пусть государство тебя воспитывает, я больше не могу.

– Mam, прости меня! – закричала Катя. – Не отправляй меня в интернат! Я больше не буду!

– Это решено, – отрезала мать.

Катя прожила в интернате три года. Сначала она плакала почти каждую ночь, но потом привыкла. Там было много девочек и мальчиков, у которых, как и у нее, родители были живы. К некоторым даже приезжали, привозили гостинцы. К Кате мать ни разу не приехала, хотя она ждала ее каждый день.

Интернатская жизнь мало чем отличалась от лагерной. Катя помнила, что в комнате жили еще пять девочек. Все носили одинаковую одежду, много работали – чистили картошку, мыли полы, пропалывали грядки на огороде. Четкий распорядок, все по часам. После такой монотонной, тяжелой работы не хотелось ни думать, ни мечтать. Было одно желание – добраться до кровати, упасть и забыться хоть на пару часов. Есть хотелось все время.

За полгода Катя научилась воровать, стоять на стреме, драться, быстро бегать.

Через полгода она сбежала из интерната и добралась до дома – голодная, еле державшаяся на ногах. Мать стирала во дворе белье.

– Мамочка, – кинулась к ней Катя и заплакала. Не хотела плакать, запретила себе, но не выдержала.

– Ты чего здесь делаешь? – Мать вытерла распаренные руки о фартук. В тазу лежали рубашки отца.

– Я домой хочу, – сказала Катя.

– Иди назад, – велела мать.

– Мам, я есть хочу.

– Вот дойдешь до интерната, там и поешь, – ответила мать и отвернулась.

Катя постояла еще и пошла на дорогу, надеясь, что мама окликнет ее. Но мама так и не позвала. Катя вернулась в интернат, где ее наказали – посадили на хлеб и воду на неделю.

То, что мать ее тогда даже не накормила, даже куска хлеба не дала, Катя помнила всю жизнь.

Три года Катя прожила с клеймом «интернатская». Она привыкла к ненависти, к тому, что ее считают уголовницей. Тогда же она узнала, что такое первая любовь и первое предательство. Тогда же она стала ненавидеть людей и особенно отца. Его она ненавидела больше всех на свете. Именно из-за него она попала в интернат.

Катя рано начала приобретать женские формы. О том, что такое лифчик, она понятия не имела, да и не было ни у кого из девочек лифчиков. Все ходили в одинаковых коричневых тяжелых платьях, от которых начинался нестерпимый зуд по всему телу. На платье под мышками оставались следы от пота – белые, ничем не смываемые разводы. Соль въедалась в ткань намертво.

Она привлекала внимание мальчиков – сначала как партнер по играм, потом уже как девушка. Ей свистели вслед, Катя тут же рвалась с места и дралась с наглецом в кровь, на равных.

На Восьмое марта у себя под подушкой она нашла подарок – красивую чашечку с миниатюрной десертной ложечкой и записку: «От Валеры».

Валерка был сыном директрисы интерната. Его побаивались, раз и навсегда признав лидером, хотя он спал в точно такой же комнате на шесть человек, на точно такой же кровати с проеденным клопами матрасом, ходил в интернатской одежде и точно так же, как и все остальные, воровал хлеб из столовой. Правда, у него в отличие от остальных детей водились деньги. Он покупал кулек семечек и грыз их на глазах у всех, смачно сплевывая шелуху. Иногда покупал бублик и делил его на равные части между своими друзьями.

Катя замерла с чашечкой в руках. Она никогда еще не получала подарков. Мать с отцом, с тех пор как она попала в интернат, не присылали ей ничего даже на Новый год. А из того, что Катя помнила, были козья ножка, подаренная отцом для черчения, и теплые рейтузы от матери. Никогда ей не дарили ничего красивого, ненужного и оттого ценного.

Катя каждый вечер разворачивала чашечку, любовалась ею, представляла, как будет пить из нее чай, держала в руках ложечку и засыпала почти счастливая.

А вскоре Валерка поделился с ней семечками, насыпав в ладонь целую горсть, они сидели на скамейке и лузгали их. С того самого дня больше никто не свистел ей вслед, никто не задирался, не лез в драку.

Постепенно они с Валеркой начали разговаривать, рассказывать друг другу о себе. Оказалось, что он такой же одинокий, такой же не нужный никому, как и Катя. Хотя она все равно считала его счастливым – Валеркина мама была рядом, он ее видел каждый день. Его не бросали. Однажды они с Катей даже поцеловались.

– Не бойся, я тебя не дам в обиду, – торжественно пообещал Валерка.

Для Кати, которая привыкла защищать себя сама, эти слова были все равно что признание в любви. Даже больше. Намного больше. Она была нужна Валерке, а Валерка был нужен ей. Они были вместе.

Это произошло на уроке географии, которую Катя продолжала ненавидеть. Они бегали по классу перед началом урока. У Кати было хорошее настроение, она гналась за Валеркой, который должен был повесить на доску карту. Катя бежала между партами и смеялась.

– Давай еще, беги! – улюлюкали мальчишки Валерке, который в последний момент уворачивался, перескакивал через парту. Катя никак не могла его осалить.

Краем глаза она заметила, что мальчишки показывают на нее пальцем и смеются. Она продолжала бежать, но чувство радости улетучилось. Что-то было не так.

– Беги! – подзадоривали Валерку мальчишки. – Пусть еще кружок сиськами потрясет! – Это крикнул кто-то из подхалимов. То ли тщедушный, вечно сопливый Гарик, то ли жиртрест Витька.

Катя остановилась как вкопанная.

– Ткни ее в сиськи! Ткни ее! – закричали мальчишки.

Валерка тоже остановился и изо всей силы концом скрученной карты ткнул Катю в рано развившуюся грудь. Ткнул так сильно, что Катя охнула и упала.

– Ура! Победа! – заорали мальчишки.

Для Кати это стало предательством, хуже которого не было. Это был позор на весь класс, на весь интернат. Это был удар от человека, которому она доверяла.

Больше Катя с Валеркой не разговаривала, хотя он и написал ей записку «Прости меня», которую она нашла у себя под подушкой. Подаренную Валеркой чашечку Катя растоптала, после чего собрала осколки в совок и выбросила. Ложечку онагнула, пока та не сломалась.

Она видела, что Валерка чувствует себя виноватым, что он сам не знал, как это получилось, но простить его так и не смогла. А еще она не могла понять главного – почему Валерка вдруг изменился, почему ее предал? Почему он поступил так же, как ее отец, – в один момент стал жестоким и готов был сделать больно? Грудь, кстати, у Кати болела еще месяц, синяк долго не проходил. И если Катя и собиралась простить Валерку, то боль в груди от малейшего движения рукой давала о себе знать и напоминала об обиде.

Хотя именно благодаря Валерке она вернулась домой.

На перемене все играли в любимую игру – кидались мокрой тряпкой, которой вытиралась доска. Катя не принимала участия в игре. Сидела за партой и делала вид, что читает. Тряпка – грязная, вся в меле, попала ей в голову. Она повернулась, чтобы посмотреть, кто бросил. Бросал Валерка. Не в нее, а в тщедушного Гарика, который присел и избежал удара. Катя сама себя не помнила. Она схватила чернильницу со стола и запустила в Валерку. Тот не ждал удара, и чернильница благополучно влетела ему в лоб, заливая чернилами лицо.

В этот момент в класс вошла директриса.

– Кто это сделал? – спросила она, увидев своего сына, у которого из разбитого лба текла кровь, смешанная с чернилами.

Все показали на Катю.

Буквально через два дня за ней приехала строгая и суровая мать – из интерната ее исключили.

– Я не специально, я не хотела, – промямлила Катя, но ей никто не поверил.

Дома все оставалось как прежде. Мать работала, отец опять уехал на лечение в госпиталь. Катя была предоставлена сама себе – мать махнула на нее рукой. Она могла по три дня не появляться дома, мать бы и не заметила.

Кате было тоже все равно. Каждый день, каждый вечер, каждую свободную минуту она думала о Валерке. Она вспоминала, как они грызли семечки, как сидели на лавочке и разгова-

ривали, как целовались. Катя держала в руках кружку и вспоминала ту самую чашечку, которую ей подарил Валерка. Держала в руках алюминиевую гнутую ложку и представляла, что держит ту самую десертную ложечку. Она ругала себя за то, что разбила, не сохранила подарок. Ругала за то, что уже не помнит Валерку так четко, как ей бы хотелось. Она скучала по нему, по интернатской жизни. Катя даже просилась у матери назад, в интернат, но мать посмотрела на нее как на больную.

– Тебе место в психушке, – отрезала Машенька и погрузилась в проверку тетрадей.

Катя была согласна на все – на психушку, на побои, на издевательства отца, лишь бы вернуться к Валерке, лишь бы увидеть его хотя бы еще один раз. Увидеть, запомнить – какие у него были руки, какие глаза. Она закрывала глаза и представляла себе Валерку, близко-близко. У него были веснушки, совершенно точно. Только на носу и крыльях носа. Больше нигде. Конопушки она помнила, а цвет глаз – нет.

Она дала себе слово найти Валерку и никого больше никогда не любить. Ведь он был совсем не виноват! Это все мальчишки, которые его подзуживали. А она? Тоже хороша! Катя ненавидела себя. К тому же она начала комплексовать из-за своей груди, продолжавшей расти, из-за волос под мышками и на ногах, которые она боялась сбрить, а спросить у матери не осмеливалась. Она решила, что никому, кроме Валерки, не будет нужна. Никто на нее больше и не посмотрит, что было в принципе недалеко от истины. В новой школе Катю боялись как бывшую интернатовскую. Она была резкая, ничего не боялась, вела себя как уголовница, – материлась, умела курить, дралась. У нее были свои законы выживания, по которым она жила. Она никогда никого не закладывала, за пущенную сплетню была нещадно. Не лебезила перед учителями. Ходила в том же коричневом платье, в котором приехала из интерната, и, если кому-нибудь из девочек приходило в голову сделать ей замечание или отпустить нечаянное слово, она снова пускала в ход кулаки. Катя была изгоем в классе. Одинокой, зачумленной девочкой, которой сторонились.

По вечерам Катя писала длинные письма Валерке – о том, что произошло в школе, о распустившихся ромашках, обо всем, что было важным и неважным. Ни одного письма она так и не отправила – потому что не знала адрес интерната, не было денег на конверт и марки. А еще потому, что хорошо знала – все письма читает лично директриса и только после этого, уже вскрытыми, передает детям.

Катя ждала письма от Валерки. Надеялась, что он ей напишет. Каждый день бегала к почтовому ящику, но письма не было.

Она не могла знать, что Валерка ей писал, но его мать сразу же отправляла письма в мусорную корзину, даже не читая, – была уверена, что такая переписка к добру не приведет.

Валерку Катя запомнила на всю жизнь. Так же как и его подарок – фарфоровую чашечку с тонюсенькой ручкой.

Катя выучилась, уехала в город, поступила в институт. Отец с матерью, видимо, развелся и совсем пропал из их жизни. Уехал в командировку и не вернулся.

К матери Катя приезжала на каникулы, и каждый раз на следующее утро после возвращения дочери Машенька клала перед ней на стол бумажку с адресом.

– Съезди к отцу, узнай, как он там. Жив, здоров? Проведай его, – просила мать.

В первый раз Катя согласилась. Отец, судя по адресу, нацарапанному на бумажке, лежал в госпитале в Туапсе.

Катя поехала, разыскала госпиталь, медсестра сказала, что отца можно найти на главной аллее.

Где искать отца, Катя знала и без медсестры. Шахматы. Он прекрасно играл в шахматы, запойно, самозабвенно. Если в пансионате или в госпитале имелась шахматная аллея с выложенными на земле черно-белыми плитами и большими деревянными фигурами, отец был там.

Нет, шахматисты играли, расположившись на лавочке. Большие фигуры – для детей, для развлечения. Но место всегда было неизменным.

Катя спросила у медсестры, куда идти. Та махнула рукой. Катя шла по аллее, задумавшись, и не сразу поняла, что навстречу идет отец.

Он прекрасно выглядел – в шелковой отутюженной пижаме, чисто выбритый, пахнувший «Шипром». Он шел, насвистывая под нос мелодию. Катю он тоже не заметил.

– Папа, – окликнула его она.

Он посмотрел на нее, и Катя пожалела, что окликнула – отца перекосило. Довольная улыбка сменилась гримасой – это был оскал ненависти. Настоящей, лютой, животной ненависти.

– Что тебе надо? – спросил он.

– Ничего, – ответила Катя. – Мама просила тебя найти.

– Зачем? Что вам от меня надо? – Отец непроизвольно брызгал слюной.

– Ничего не надо.

– Чтобы я тебя больше не видел. И матери передай, чтобы тебя не подсылала, – сказал отец и быстрым легким шагом пошел к главному зданию.

Катя вернулась домой на ватных ногах, с ощущением, что ее окунули в бак с нечистотами. Она не могла забыть оскал на лице отца.

До этого момента она его все-таки любила. Помнила, как он носил ее на плечах. Он был ее отцом. Катя не могла выбросить его из памяти, избавиться так же легко, как отец от нее.

Но этой встречи ей хватило сполна. От дочерней любви ничего не осталось. Нельзя любить человека, который ненавидит тебя так сильно.

– Ну что, ты его нашла? Как он себя чувствует? Болеет? Кушает? Госпиталь хороший? Ему процедуры делают? – Мать с надеждой смотрела на Катю. Она не спросила, как дочь сдала сессию, какие у нее соседки по комнате в общежитии, хватает ли ей на жизнь стипендии. Мать не задала ни одного вопроса. Катя только сейчас поняла, почему мать обрадовалась, что дочь приезжает на каникулы домой. Катя решила, что мама соскучилась по ней, а оказалось, что она хотела отправить ее к отцу. Сама мать поехать не могла – боялась, не решалась, так что Катины каникулы пришлись очень вовремя.

– Все хорошо. Он передавал тебе привет, – ответила Катя.

– Правда? – Мать аж зашлась от счастья. – А что он сказал? Не похудел?

– Нет, там кормят четыре раза в день. Играет в шахматы, – ответила Катя.

– А что еще?

Мать ждала, жаждала подробностей. Ей нужна была информация, которую она обдумывала бы каждый вечер, каждую минуту, представляя себе бывшего, но все еще любимого мужа.

Став уже взрослой, женщиной с незадавшейся личной жизнью, матерью-одиночкой, Катя поняла, что мать всю жизнь любила только отца. Замуж она так и не вышла, хотя за ней ухаживал массовик-затейник из местного Дома культуры. Но вот как можно любить такого мужчину, как можно было ради него сдать родного ребенка в интернат, Катя так и не смогла понять. Да, такое было время – тяжелое. Да, такое было поколение – военное. У них все перевернулось, все встало с ног на голову. Дети для них никогда не были самым главным в жизни. Они искренне считали, что государство воспитает из их сыновей и дочерей достойных членов советского общества, будущих коммунистов. Они верили в свои идеалы, в работу на благо партии, а «мещанство» для них было ругательным словом. Катя все понимала, но простить не могла. Так и жила с комплексом интернатской девочки, загубленной, задушенной, выброшенной за ненадобностью. Не знала, что такое семья, и не смогла построить свою. Не знала, как отдавать любовь, и каждую минуту ждала удара заточкой под ребра. Не понимала, что такое быть женщиной.

Она рано обрела привычку рассчитывать только на себя, встала на ноги, начала работать, зарабатывать. Другого пути у нее не было. И это единственное, чему ее научили, – быть одной. Она приезжала к матери урывками, пусть на два дня. Привозила деньги, продукты. Мать никогда ее ни о чем не спрашивала, никогда не благодарила. Принимала все как должное.

Но каждый раз наутро, дождавшись, когда дочь проснется, Машенька выкладывала на стол бумажку с очередным адресом, по которому можно было найти отца.

– Съезди к папе, посмотри, как он там, – просила она.

Катя ехала. Находила очередной пансионат или госпиталь, где ей давали адрес отца. Она искала нужный дом, квартиру. Дверь открывала женщина, представлявшаяся отцовской женой. Отца дома обычно не было – он или гулял в парке, или играл в шахматы в Доме культуры.

Катя возвращалась домой и докладывала матери – все хорошо, питается замечательно, четыре раза в день, ходит на процедуры, деньги вот передал.

Катя выдавала матери свои, кровные, заработанные, отложенные деньги. Мать радовалась, как девочка. Целовала конверт и надеялась, что однажды муж к ней вернется.

Даже когда у Кати родился сын, мать его не приняла как внука. Мальчик был приложением к Кате, и у Машеньки никакие душевные мускулы не дрогнули.

Тогда Катя действительно поехала искать отца – сказать ему, что он стал дедом. Она нашла его в Туапсе. В справочной ей дали адрес. Катя поехала. Дверь ей открыла очередная жена, которая сказала, что Катин отец ушел на вечерний моцион. Скоро вернется.

Катя пошла в ближайший парк, спросила у прохожего, где собираются шахматисты, и нашла там отца. Он сидел на лавочке, в красивом костюме, в очках в золотой оправе, выбритый, моложавый, уверенный в себе. Катя подумала о маме, которая никак не могла быть женой этого мужчины – подтянутого, пышущего здоровьем, холеного, умытого, отутюженного, надутенного.

Катя так и не подошла к нему. Не смогла. Перед глазами стоял его животный оскал. Второй раз она этого видеть не хотела. Она ненавидела его и за мать. Та ни разу не ездила отдыхать, подлечиться. Ей даже в голову такое не могло прийти. Мать никогда не жаловалась, боль и болезни переносила на ногах – отца очень раздражало, когда она лежала с температурой. Он не верил в то, что она действительно простудилась. Болеть в их семье мог только он.

Если плохо себя чувствовала мать или заболела Катя, отец испытывал неудобства. Он раздражался, даже впадал в ярость оттого, что все идет не так, как он любит, не так, как он привык. Детский кашель вызывал у него головную боль, запах лекарств – изжогу, а больная жена – презрение.

Катя хорошо запомнила один случай, когда мать добегалась до воспаления легких. Вставала, готовила, утюжила рубашки. Слегла только после того, как температура подскочила до тридцати девяти.

– Надо «Скорую» вызвать, – сказала Машенька мужу.

– Зачем? Я здоров, нормально себя чувствую, – удивился тот.

– Мне плохо. Вызови врача.

– Обычная простуда, что ты выдумываешь?

– Пожалуйста, вызови врача.

– С тобой одни проблемы! – Отец нехотя набрал номер «Скорой», и мать увезли в больницу в тот же вечер.

Он навестил ее один раз – пришел узнать, как долго она пробудет в больнице. Врач сказала, что не меньше двух недель. Отец кивнул и уехал в командировку, оставив Катю-школьницу одну, без денег и еды. Катю подкармливали соседки. Они же выдавали девочке яблоки, котлеты, пироги, чтобы она отнесла маме в больницу.

И даже после этого Машенька не развелась с мужем, не бросила его, ни словом не попрекнула. Его эгоизм она считала нормальным и готова была простить все, даже то, что ему наплевать и на нее, и на родную дочь, ребенка, которого он, не задумываясь, бросил на произвол судьбы. Не умерла же с голоду, значит, все нормально. Соседки подкормили? На то они и бабы, чтобы готовить и кормить. Не его это дело, не его забота.

Потом Катя даже не ездила искать отца. Уходила к соседке на дальнюю улицу и просилась переночевать. Соседка знала, что у Машеньки «не все дома», и Катю жалела – кормила, укладывала спать на свою кровать. Катя возвращалась домой, как будто от отца – с деньгами, подарками. Мать примеряла новый халатик, ночнушку, нюхала колбасу, и у нее даже мысли не возникало, что бывший муж не в состоянии выбрать женскую одежду и уж тем более купить колбасы.

Прошло много лет. Кате казалось, что пролетела целая жизнь. Мать была уже совсем плоха – жаловалась на боли в ногах, желудок болел. Машенька превратилась в старушку – больную, сгорбленную, седую насквозь. Она тяжело, нутужно кашляла, простужалась от малейшего сквозняка, могла есть только перемолотую пищу. Стала забывать, какой на дворе месяц. Даже с первого взгляда было видно, что мать больна. Но для Машеньки жизнь остановилась в том времени, когда она была счастливой – полной надежд девушкой, комсомолкой, подающей надежды учительницей. Машенька забыла, сколько ей лет, забыла, что ее любимый муж давно с ней развелся, забыла, что единственная дочь давно выросла. Зато она помнила угрей в баках для белья, пальто мужа с каракулевым воротником, от роскошного вида которого она теряла дар речи, помнила маленькую Катю в красивом платье, берег моря, вдоль которого они гуляли втроем. Машенька осталась в том времени, в котором, как ей казалось, она была по-настоящему счастлива.

Она перестала просить дочь съездить проведать отца. Катя сама ей рассказывала, что они виделись, разговаривали, у отца много работы, он передал деньги. Машенька кивала и счастливо улыбалась.

Катя так и не поняла, почему мать всю жизнь любила этого мужчину. Была ли это любовь или какое-то другое чувство – зависимость, жертвенность, боязнь остаться одной? Но она и так всю жизнь оставалась одна, пока муж разъезжал по курортам, где он находил других женщин, которые соглашались готовить, обстирывать, облизывать, пресмыкаться. Недостатка в этих странных, слабых, одиноких, на что-то надеющихся женщинах – чуть моложе, чуть старше, более или менее привлекательных – отец не испытывал никогда.

Он с ними легко сходилась и так же легко расставался, не вспоминая, не задумываясь о том, насколько больно обидел их, уходя. Они для него были обслуживающим персоналом, как медсестры в госпиталях – все на одно лицо. Ни к одной из них он не чувствовал благодарности, признательности, нежности и уж тем более привязанности. Ни одну из них не вспоминал добрым словом. Да никаким словом не вспоминал.

Машеньку, которая любила его всю свою жизнь и продолжала любить до самого конца, Иван считал безвольной дурой, обузой, надоедливой мухой, которая жужжит, попав в клейкую ленту, вывешенную над обеденным столом на веранде, и никак не хочет умирать. Трепыхается, приклеившись лапками, брюхом, борется за что-то, надеется вырваться. Дочь Катя оказалась для него лишней проблемой и раздражителем, который появился в его доме. Она не была для него живым человеком, не была надеждой, счастьем, радостью. Эта девочка, которая унаследовала от него только плохие волосы и больше ничего, мешала ему жить – криками по ночам, соплями, вынужденными тратами и постоянным присутствием. От нее он не мог избавиться.

Катя тоже не могла забыть отца, как ни старалась. Она рано начала сесть и лет с тридцати собирала с расчески целые комья волос, которые скатывала в шарик и выбрасывала в унитаз. Она делала начесы, чтобы придать прическе пышность, и каждое утро, собираясь на работу, вспоминала отца. Она не могла брить голову так, как он. Понимала, что его brutality –

от комплексов. У матери, напротив, даже в старости были роскошные, струящиеся по плечам волосы с рыжиной, натуральным завитком. Мать мыла голову только хозяйственным мылом, а умывалась – дегтярным. Никакие шампуни не признавала. От нее всегда пахло этим сочетанием хлорки и дегтя. Катя тоже по примеру матери одно время перешла на хозяйственное и дегтярное мыло, но ее тошнило от одного запаха. Да и волосы лучше не стали.

Мать болела, Катя ухаживала за ней, как могла, в надежде услышать хоть одно «спасибо», хоть одно «прости». Она мечтала, что мама ей обрадуется, поблагодарит за деньги, за новые шторы, за новый халат. Или просто так. Ни за что. Признает, что вырастила хорошую дочь – честную, умную, работающую.

В последние месяцы, уже перед самой смертью, мать стала совсем невыносима. Она листала альбом с фотографиями и ждала отца.

– Он не присылал телеграмму? Когда приедет? – спрашивала мать. – Надо бы вареничков налепить.

– Налепим, – отвечала Катя.

– И ванну помой, он любит чистую, – говорила мать.

– Помою.

Когда у матери случались просветы в памяти, Катя подсаживалась к ней на кровать и искала ответы.

– Мам, а почему мы так часто переезжали?

– У отца была новая работа. Чтобы ему было удобнее ездить, – отвечала мать.

– Но почему так часто?

– Не знаю, значит, так было нужно. Его очень ценили на работе. Он всем был нужен.

Катя не поленилась и нашла причину переездов. Отец спекулировал на нарядах на строительство, подделывал бланки отчетов. Кладка кирпича, вывоз мусора – он мог приписать многое. Подписывал бланки начальник строительства. Видимо, они делили на двоих. Иначе откуда у отца были деньги на очки, костюмы, одеколоны? Катя вспомнила, что однажды к ним в дом пришли люди в форме. Отец был в госпитале. Люди провели обыск и ушли. Машенька плакала еще несколько дней – не от страха за себя, а от страха за мужа. На себя и на дочь, которой отец мог сломать жизнь, ей было наплевать.

Катя, осознав, сколько у отца было денег, сколько он лишил их, однажды не выдержала и рассказала матери, что отец – обычный вор, спекулянт и это просто чудо, что его не арестовали, не поймали за руку и не посадили лет на двадцать пять, а заодно и их с матерью. Машенька, выслушав рассказ дочери, начала махать руками, задыхаться и биться в конвульсиях. У нее случился инсульт, и Катя, выхаживая мать, дала себе слово больше не упоминать об отце. Ничего не рассказывать. Придумать для матери тот мир, в котором она жила. Ей не нужна была правда. Она свято верила в то, что ее муж – честный коммунист, прошедший войну, контуженный – вел социалистическое строительство на благо Родины.

Машенька оставалась коммунисткой до самой смерти. Она уже не узнавала внука, Катю воспринимала как чужую женщину, которая почему-то хозяйничает в доме, но упорно слушала радио и смотрела телевизионные программы. Она требовала отвезти ее на избирательный участок, чтобы проголосовать за коммунистов, съесть пирожок с капустой и шоколадную конфету из буфета. Машенька трепетно хранила партбилет, где были проставлены все взносы, которые она перечислила родной партии. Она считала Сталина отцом всех народов и не верила в репрессии и ГУЛАГ – так же, как отказывалась верить в многочисленные измены мужа. Портрет Сталина Машенька повесила на стене, а фотография мужа всегда стояла на прикроватной тумбочке. Одинаковые злобные лица смотрели со всех сторон и доводили Катю до истерики. Она не имела права их снять и убрать подальше – для матери они были иконами.

– Катя, мама умерла, приезжайте, – позвонила Настя.

Катя заплакала – и она, и мать отмучились. Все кончилось для них обеих. Катя приехала. Настя помогала с устройством похорон.

На прикроватной тумбочке лежала фотография – Машенька с Иваном в день свадьбы.

– Она звала Ванечку, – сказала Настя.

– Я знаю, – ответила Катя.

По ту сторону забора

Лариса собиралась на дачу. Майские праздники она терпеть не могла. Ничего нового они не обещали. На соседнем участке опять соберется многочисленная семья. Они разделили двенадцать соток на много крошечных огрызков, по числу родственников-наследников, на каждом поставили стол, стулья и сколотили домишки. Друг от друга отгородились зарослями малины, которая никогда не давала ягод. Но родственники думали, что, как всегда, не успели – опять первой обобрала невестка или сноха, та, которая по ту сторону кустарника. Но на майские праздники они неизменно устраивали примирение – сдвигали свои столы в один под двумя яблонями, которые плодоносили, как могли, маленькими кислыми яблочками, и жарили шашлыки. Кто-нибудь из зятьев включал в машине с открытыми дверями радио. Музыка орала, соседи напивались, бурно выясняли отношения, вспоминали малину и ненавидели друг друга до следующих майских праздников.

Ларису, как соседку, всегда звали в гости. Отказаться было невозможно – себе дороже. Она приходила, садилась на стул с продавленным сиденьем и погружалась в чужую личную жизнь. В середине ужина зять хозяина участка, Витька, начинал к ней приставать. Его жена немедленно устраивала истерику. Это продолжалось из года в год, как запланированный аттракцион. Ничего не менялось – все шло по старому сценарию. Витька придвигался на стуле к Ларисе и клал ей на коленку свою огромную лапищу. Лариса аккуратно убирала лапу, Витька хохотал и со второго захода пытался залезть уже под юбку. Лариса однажды надела джинсы, и Витька на минуту впал в ступор. Но не растерялся и полез ей под кофту, нашаривая грудь.

– Ах ты, сволочь! – начинала кричать жена Витьки.

Для продолжения отношений Лариса была им больше не нужна. Каждый год в мае они собирались разводиться, каждый год Витька садился в машину и уезжал в соседнее село, где около магазина продолжал напиваться с мужиками. А жена стояла около ворот и причитала, что муж обязательно разобьется.

Единственное, что примиряло Ларису с дачей, так это местный крохотный рыночек, на который она любила ездить. Там продавались домашний творог, хорошее мясо, квашеная капуста. Лариса покупала молодой чеснок, зеленую фасоль с прозрачной кожицей, черемшу, запах которой всегда любила.

Она ведь могла и не ехать на дачу. Остаться в Москве, смотреть телевизор, гулять в парке. Но что-то ее тянуло туда, к соседям, к запаху шашлыка – ритуал, который она боялась нарушить. Такой же, как шампанское на Новый год, от которого у нее начинались изжога и головная боль. Так же и сейчас – она ела непрожаренные или подгоревшие шашлыки, бог знает сколько времени пролежавшие в уксусе, пила с соседями водку, отдающую сивухой, и занюхивала веткой петрушки.

В этот раз все начиналось как обычно. За забором соседи сдвигали столы. Горел мангал. Женщины бегали из дома в дом с тарелками и тазиками.

– Лариска, мы тебя ждем! – крикнул из-за забора Витька и хохотнул.

Лариса села в машину и поехала на рынок.

Она купила творог, зелень и мясо. Уже на выходе обернулась, увидев незнакомую надпись: «Говяжьи яйца».

– Здравствуйте, – подошла Лариса к продавщице, – а яйца дорогие?

– По сто пятьдесят рублей.

– А почему так дорого?

– Да не дорого. Берите. Наоборот, отдаю подешевле. Перед праздниками продать надо.

– А они вкусные?

– Очень. Свеженькие! Берите, не пожалеете.

Лариса стояла в раздумье. Она все еще не могла понять, почему яйца называются говяжьими. «Наверное, куриц кормят мясом, и они несут яйца со вкусом говядины. Получается, что так, – решила Лариса. – Но неужели курицы едят мясо? Они же вроде травоядные, а не плотоядные. Интересно, а это не вредно?»

– А яйца у вас крупные или мелкие? – спросила Лариса продавщицу.

– Средние, – ответила та. – Но могу вам выбрать те, что побольше. Брать будете?

– Давайте десяток. Только в два лотка, и резинкой перетяните, чтобы они у меня не побились, – попросила Лариса.

– Кто не побились? – не поняла продавщица.

– Так яйца же.

Они еще долго смотрели друг на друга. До обеих дошло одновременно. Лариса покраснела, а продавщица начала хохотать.

– Ну вы даете! – Она даже икать стала от смеха.

– Это вы даете. Почему вы написали «говяжьи яйца»? Говядина же женщина.

– Кто – женщина? – перестала смеяться продавщица.

– Говядина! – ответила Лариса, начиная злиться. – У нее яиц быть не может. Мужчина – это бык! А их ребенок – теленок!

– Чей ребенок? – не поняла продавщица.

– Говядины и быка!

– Что вы мне голову морочите? – продавщица тоже начала нервничать. – Я же для вас это пишу! Чтобы красиво было! Все для вас – для покупателей! Бычьи яйца – некрасиво, а говяжьи – очень... как это... интеллигентно, вот! А телятины у меня нет! Так брать будете?

– Не буду, – обиделась Лариса. – Напишите правильно, тогда возьму.

Она развернулась и гордо пошла к машине.

– Тьфу ты, ну не дура ли? – крикнула ей вслед продавщица. – Замуж выйди, тогда начнешь в яйцах разбираться!

– А при чем тут замужество? – взбеленилась Лариса. – К грамматике русского языка это не имеет никакого отношения!

– Зато к жизни имеет! – не задержалась с ответом продавщица.

Лариса вернулась домой. У соседей уже расселись.

– Лариска! Только тебя ждем! – крикнул ей Витька.

Она села за стол, выпила водки и решила нарушить соседскую традицию длинных тостов:

– Давайте уже выпьем. – И рассказала про говяжьи яйца – ей нужно было с кем-то поделиться.

– Вроде интеллигентная женщина, – тихо сказала сноха хозяина. – А такие неприличные истории рассказываете.

– А я и не знал, что ты такая... – Витька положил Ларисе руку на коленку раньше времени. – Только я не понял, в чем прикол-то? Ты это с намеком рассказала? Так я и по-простому пойму, – зашептал он ей на ухо.

– Ах ты, сволочь! – закричала Витькина жена.

Дальше все шло по привычному сценарию майских праздников.

Зинка одноглазая

Зинаида Афанасьевна шла по деревне и строго смотрела по сторонам своим одним глазом. Ее здесь уважали и побаивались – старуха могла и клюкой огреть, а рука у нее была тяжелая не по годам. Да и за словом в карман не лезла – могла и матюкнуться так, что у местных алкоголиков дар речи терялся. И молодую соседку – нагловатую и хамоватую – могла приложить так, что та сразу начинала плакать и впредь старалась помалкивать.

Зинаида Афанасьевна пользовалась своим положением – слепой немощной старухи, которой все сходит с рук, хотя на самом деле она была доброй, справедливой, по-девичьи смешливой. Любила и водочки выпить, и закусить вкусно, и разговоров умных послушать. Людей любила особенных, отличных от других. Тех, кто «с придурью», как говорили у них в деревне. Пускала к себе дачников на лето – то художника, который рисовал тусклые пейзажи, то непризнанного поэта, который читал ей по вечерам стихи – бездарные, плохие до омерзения. Однако оба были хорошими, добрыми мужиками – никчемными, неустроенными, бессемейными, но незлобивыми, искренними, что Зинаида Афанасьевна считала главным критерием.

Жила она в огромном доме почти на самом берегу реки. Когда-то до их деревни даже рейсовый автобус не доходил. Нужно было пять километров добираться на велосипеде или пешком, чтобы погрузиться в дряхлый, разваливающийся, рычащий и пышущий жаром из-под капота автобусик – иначе не попадешь ни в магазин, ни в поликлинику. И трястись на нем по лесной дороге, собирая любителей ягод и не очень трезвых грибников.

А потом деревня вдруг стала золотым местом. В нее потянулись разбогатевшие дельцы, скупая дома и землю – тут и вид из окна, и рыбалка роскошная, и воздух от сосен, и за отдельную плату – охота.

Дома скупали партиями. Ломали до основания лачуги и деревянные, полусгнившие избышки, в рекордные сроки выстраивая на их месте дворцы за заборами.

Приходили и к Зинаиде Афанасьевне. Предлагали большие деньги. Очень большие – можно было купить квартиру в соседнем городке, где и канализация, и центральное отопление, и поликлиника в двух шагах. Но Зинаида Афанасьевна уперлась, как упиралась всегда, когда на нее давили. Упрямая была старуха. Еще с молодости такая.

Один молодой бизнесмен решил бабулю припугнуть – пообещал домик ее сжечь вместе с ней. Зинаида Афанасьевна ухмыльнулась и, забравшись на старый велосипедик, еще мужнин, поехала в отделение милиции, где работал Славка, соседкин сын, которого Зинаида Афанасьевна помнила еще младенцем и гоняла по деревне крапивой.

Славка, как увидел Зинаиду Афанасьевну, сразу же заерзал в кресле, вспомнив, как горела попа после удара крапивой, и пообещал защитить и «разобраться». Зинаида Афанасьевна зыркнула на него своим единственным глазом и угостила пирожками с яблоками, которые тот любил с детства.

Славка не подвел – молодого бизнесмена посадили за мошенничество в крупных размерах. Тот так и не узнал, что именно Зинаида Афанасьевна привлекла к нему внимание правоохранительных органов. Думал, конкуренты заказали.

Но больше с предложением продать дом к Зинаиде Афанасьевне никто не обращался. Прошел слух, что одноглазая бабка – ведьма и от нее лучше держаться подальше, а то и в «казенный дом» попадешь.

В новостройки, которые выросли рядом с домом Зинаиды Афанасьевны, новые жильцы привезли жен, детей и закрыли их за высокими заборами. Но жены и дети потихоньку начали выползать, выходить и рано или поздно оказывались на участке Зинаиды Афанасьевны. Жены приходили за молоком – она держала трех коз. Дети обожали играть с ее собакой – здоровенной

дворнягой Пушком, не пойми каких кровей, которая позволяла таскать себя за хвост, лезть в пасть и садиться на загривок.

Бабулю уважали. Женщины делились с ней горестями, и у Зинаиды Афанасьевны всегда находился дельный совет. Она никого не осуждала, верила в настоящую любовь и обладала не по годам свободными взглядами. Даже когда соседка Ленка, пряча глаза и смущаясь, попросила на пару часиков приглядеть за сынишкой, Зинаида Афанасьевна только хмыкнула, и в глазу засверкали хулиганские искорки. Она все про всех знала, но никому ничего не рассказывала: хранила чужие тайны и всегда могла сослаться на плохое зрение – ничего не видела.

Эта самая Ленка крутила роман втайне от мужа. Зинаида Афанасьевна поняла это сразу. Ленка, которая выскочила замуж за деньги, за большие деньги, и сразу же родила сына, была хорошей женщиной. Наивной, дурной, влюбчивой, но хорошей. Мужа она терпеть не могла, но смирилась – и вот вдруг влюбилась. Да так сильно, что не оторвать. Трепыхала, горела, умирала от любви. И убежала бы, куда глаза глядят, если бы не сын, которого муж пообещал у нее отобрать, если она хоть раз посмотрит на сторону.

Ленка мучилась, сгорала, спадала с лица и не знала, что делать и как жить дальше.

Зинаида Афанасьевна, с полгода посмотрев на ее страдания, на то, как она сходит с ума и спивается по вечерам, тихо вмешалась. Позвала Ленкиного мужа на чаек, посидела с ним часик, и тот дал развод. И сына оставил.

Что сказала Ленкиному мужу Зинаида, какие нашла слова, так никто и не узнал. Ленка целовала Зинаиде Афанасьевне руки, готова была мыть ей ноги и пить воду. Она потом еще много лет приезжала к ней с подарками и очень скоро привезла показать новорожденную дочку. Ленка светила счастьем, а за Зинаидой Афанасьевной закрепилась слава колдуньи, но доброй, хорошей, которая по женской части – судьбу устроит, отведет несчастье, приворожит. Зинаида Афанасьевна только ухмылялась.

На самом деле Ленкиного мужа и не пришлось уговаривать. Тот тоже был не без греха – крутил роман на стороне, собирался разводиться, только не знал, как сказать да как бы избежать проблем и истерик. Но Зинаида Афанасьевна про истерики не поверила, а вот проблема была одна – муж боялся, что Ленка при разводе отсудит не только часть дома, но и часть бизнеса. А вот бизнес он отдавать никак не хотел. Да и суды Ленкиному мужу были совсем некстати. Зинаида Афанасьевна кивнула и сказала:

– Она не будет претендовать на бизнес, а ты не отберешь у нее сына, станешь самым лучшим воскресным отцом на свете и алименты – в срок, нормальные. – И на всякий случай пригрозила: – Если поскупишься, на ребенка не дашь или еще что устроишь, так я вмешаюсь, понял. Ты же помнишь, что с тем мужиком случилось, который мой дом хотел купить?

Ленкин муж кивнул и согласился.

Так что Зинаида Афанасьевна особо ничего и не сделала. Она просто очень долго жила на этом свете и очень хорошо знала человеческую натуру – слабую, трусливую, грешную и тщеславную. Время шло, а люди не менялись.

Но никто так и не решился спросить, где она потеряла глаз и как так вышло. Только Ленке она рассказала эту историю, поддавшись порыву, когда та, засучив рукава дорогого платья, вымыла начисто ей пол в доме, перемыла окна и нагладила белье. Они сидели в саду, Ленкин сын обнимался с Пушком, а дочка спала в коляске. Было безветренно и как-то удивительно хорошо. Новый Ленкин муж умело рубил дрова, складывая их в аккуратную поленницу. В такие моменты хочется или молчать, или говорить о сокровенном.

Зинаида Афанасьевна родилась где-то под Калугой, в бедной семье – пятеро детей, нищета, голытьба. Зина, старшая из дочерей, тихая, работающая девочка, красивая, с роскошными волосами, большими карими глазами, с раннего детства была приучена к тяжелому труду – носила воду, следила за младшими детьми, готовила. Когда ей было семь лет, ее ударила копытом взбеленившаяся ни с того ни с сего лошадь. Кобыла была отцовская любимица –

Зорька. Зина кормила ее морковкой и сахаром, обтирала мягкой щеткой и расчесывала гриву. Была она старая, но умная, добрая, послушная. Что на нее вдруг нашло? Какая вожжа под хвост попала?

Удар пришелся прямо по глазу. Глаз вытек, и сделать ничего было нельзя. Да и никто ничего и не собирался делать. Ни докторов, ни денег на это не было. Несчастный случай, что не редкость в деревнях.

Зинина мать плакала, причитала, требуя отправить Зорьку на скотобойню. Но отец и сама Зина встали на сторону лошади.

– Мамочка, не убивай Зорьку! – плакала Зинаида. – Я и с одним глазом все делать буду.

– Что Бог ни делает, все к лучшему, – сказал отец. – Зинку проще замуж отдать будет. Перебирать женихов не станет. Выйдет за первого, кто посватается. Бабе красота не нужна, от нее одни беды.

Зина ходила с пустой глазницей, прикрывая левую часть лица волосами. Но в деревне ее все звали Зинка одноглазая, так что скрыть недостаток не было никакой возможности. Прозвище не считалось обидным, просто констатация факта. Зину в деревне любили.

Ее мать распрощалась с надеждой выдать дочь замуж и со временем с этим смирилась – надо было младших детей ставить на ноги, дел по дому невпроворот, а Зинаида – главная опора.

Но отец, который больше всех детей любил свою старшую дочь и чувствовал свою вину – не доглядел за Зорькой, не усмотрел, – сделал ей подарок на шестнадцатилетие. Вместе с паспортом из сельсовета Зина получила от отца новый глаз – стеклянный протез в красивой баночке, со специальной тряпочкой, которой его нужно было протирать.

Протез был маловат, поэтому Зина носила его по особым случаям – на танцы, на базар, в город выехать.

Зине было восемнадцать, когда на танцах ее увидел Николай – двадцатипятилетний молодой красавец. Он приехал под Калугу шабашить – строил, печки выкладывал. Зина ему сразу понравилась – было видно, что девушка скромная, без гонору. И красавица, каких поискать. Странно, что при такой красоте еще в девках сидит.

Николай недолго ходил вокруг да около – решил, что надо брать, пока невесту из-под носа не увели. Выпив после работы самогона, который он любил запивать парным молоком, пошел свататься. Зина опешила и быстро кивнула, соглашаясь. Николай ей тоже сразу понравился, но Зина боялась, что такой красавец на нее никогда даже не посмотрит.

Родители благословили тут же, пока жених не передумал или пока «добрые» люди не доложили, что невеста одноглазая. Но вот что удивительно – вся деревня как воды в рот набрала. Молчали. Никто Зину одноглазой не называл. Как сговорились. Николаю только хорошее про Зину как бы невзначай говорили – честная, ни с кем не гуляла, хозяйка, каких поискать, – золото, а не девушка. Быстро сыграли свадьбу, на которой Зина была в протезе, с пышной прической, прикрывающей часть лица.

Жили они хорошо, можно сказать, очень хорошо. Николай шабашил, пил самогон, запивал парным молоком и был доволен жизнью. Зина вела хозяйство и к мужу была не в претензии – не хуже, чем у других, а то и лучше.

Что на него нашло в тот вечер, никто не знал. Николай выпил больше обычного. Зина, подавая ему ужин, мягко сказала:

– Ну что ты все пьешь? Хватит, может...

Николай вскочил из-за стола и махнул кулаком. Так неожиданно, что Зина даже вернуться не успела. Сам он вообще не понял, как это вышло.

От удара у Зины выскочил из глаза протез и покатился под стол. Николай смотрел, как глаз с глухим стуком ударился о ножку стола, отскочил и, докатившись до другой ножки, остановился. Николай икнул и потерял сознание, рухнув как подкошенный.

Зина перетаскала его на кровать за печку, а сама легла в прихожей на топчане. Глаз она решила найти с утра, поскольку сил никаких не было.

Часов в шесть утра Николай проснулся – в туалет сходить и воды попить. Проходя мимо жены, мирно спавшей на узеньком топчанчике, он вдруг вспомнил, как ударил ее спяну. Николай наклонился над любимой женой и осторожно отодвинул с лица прядь. На месте глаза была пустота.

Он схватился за голову, замычал и выскочил из дома. Не помнил, как добрался до фельдшерицы, как вытащил ее из постели, как сумбурно пытался рассказать, что лишил жену глаза. Вышиб одним ударом. Он плакал, бил себя кулаками по голове, умолял фельдшерицу быстрее собираться и ехать – может, можно глаз на место вернуть?

Между тем Зинаида проснулась, умылась и полезла под стол, чтобы найти свой протез. Глаз лежал за ножкой стола. Зинаида его помыла и вставила на место. Приготовила завтрак и пошла будить мужа. Того дома не оказалось. Зинаида начала волноваться – куда его понесло с утра пораньше? Времени всего семь утра. Она вышла на крыльцо в тот момент, когда Николай подъезжал к дому вместе со злой фельдшерицей, которая уже успела дать ему валерьянку.

– Доброе утро, – поздоровалась Зина, – что случилось?

Николай посмотрел на жену – с двумя глазами, улыбающуюся, свежую, спокойную и опять застонал.

– Тьфу, – возмутилась фельдшерица. – Колька, ты допрыгаешься, я тебя в ЛТП сдам! Напьются до чертиков, а мне потом расхлебывай. Вези меня назад! Быстро!

– Клянусь, больше никогда пить не буду. Ни грамма в рот не возьму! – причитал по дороге Николай.

Еще месяц после этого он действительно ходил трезвый, тихий и шелковый. Любые просьбы жены исполнял. Посмотреть на нее лишний раз боялся. Не мужик стал, а тряпка и подкаблучник. К тому же перестал играть на баяне, шутить и веселиться так, как только он умел. Зинаида скучала по своему прежнему мужу – оболтусу, но с невероятным обаянием. Скучала она и по баяну – любила слушать, как муж играет. А играл он, только когда выпьет.

На Восьмое марта, когда Николай торжественно принес жене в подарок кулек с шоколадными конфетами, Зинаида не выдержала.

– Сядь, пожалуйста, у меня к тебе разговор есть, – сказала она и поставила на стол графин с самогоном. Придвинула к мужу крынку его любимого парного молока для «запивки».

– Убью, – тихо сказал Николай.

– Кого? – не поняла Зинаида.

– Обоих! Кто он? Ты от меня уходишь? – Николай вдруг понял, насколько сильно любит жену и боится ее потерять.

– Да ну тебя, я ж не о том, – отмахнулась Зинаида. – Я про глаз с тобой хотела поговорить.

– Ну прости ты меня, не знаю, что на меня нашло! Я ж больше никогда! Клянусь! Пальцем не трону! Я же даже пить не могу! – Он упал перед женой на колени.

– Ну ладно. – Зина в последний момент передумала говорить мужу правду. Сама не знала почему.

Жизнь шла своим чередом. Николай пил в меру. Зинаида забеременела и родила дочь – Зою.

Николай на радостях запил. Гулял всю неделю, что Зина была в роддоме, и продолжал отмечать событие после того, как привез жену и Зою домой. Дочка была копия он – с рыжими кудряшками.

В тот раз он совсем был не виноват. Пришел домой пьяный, на ногах плохо держался. А Зина таз с водой как раз выносила – пеленки постирала. Николай покачнулся и упал прямо на нее. Зина не удержалась и тоже упала. Глаз опять выскочил. Николай как-то встал на ноги и начал поднимать жену. Поднял, всмотрелся – жена опять без глаза.

Он замычал и выскочил из дома. Пил еще неделю. Зина мужа не видела. Знала, что по друзьям кочует, – соседи докладывали. Наконец он вернулся домой. Зина за эту неделю много чего передумала и приняла главное решение – протез, который уже сильно натирал, она решила больше не носить. На новый не было денег, да и времени – не с маленькой же дочкой по больницам ездить.

С того самого дня, когда Николай вернулся к любимой жене и дочке, Зина стала главой семьи. Муж отдавал ей всю зарплату, пил только с ее разрешения и даже укачивал дочку. Зинаида ходила гордая и одноглазая.

Николай жену побаивался, но любил безумно. Говорил, что никогда ее не бросит – сам искалечил, сам и доживать с ней будет.

Жили они хорошо, душа в душу. Николай ни разу не дал Зинаиде повода для ревности или для недовольства. В дочке Зое он души не чаял. Был хорошим мужем и отцом.

Зинаида горевала, когда муж заболел. Она знала, что он скоро умрет, раньше нее. Знал это и он. Зинаида ходила за ним до последнего. Никому не доверяла. Растирала, перекладывала, выносила утку, обмывала, подстригала. Николай смотрел на нее и беззвучно плакал – только слезы из глаз текли.

Уже перед самой его смертью Зинаида рассказала ему, что глаза лишилась еще в детстве. Всю правду рассказала – про кобылу Зорьку, про то, что в деревне ее звали Зинка одноглазая, про то, что и не чаяла выйти замуж, поэтому так быстро согласилась, поэтому и родители были рады. Но обернулось все по-другому. Зинаида была счастлива с мужем. Так счастлива, как и не мечтала. И другой жизни ей было не нужно. И другого мужа тоже.

– Ты не виноват, ни в чем не виноват, – сказала Зинаида, поглаживая мужа по руке. – Это ты меня прости, что так долго молчала. Надо было тебе сразу все рассказать. Прости меня.

Николай ей не поверил. Заплакал, думая, что жена специально грех с его души хочет снять.

Он умер у нее на руках. Перед смертью еще раз взглядом попросил прощения за то, что поднял руку. Зинаида его, конечно же, простила. Он в последний раз поцеловал жену сначала в здоровый глаз, а потом в пустую глазницу.

Счастливый брак

Настя возвращалась с работы домой. Солнце припекало. Было так хорошо, как бывает только весной. Хотелось романтики, счастья, прилива жизненных сил, смеяться по пустякам и сделать сразу тысячу дел. Насте даже показалось, что птицы начали петь, а прохожие – улыбаться.

Ее обогнала пара – юноша и девушка. Они явно были влюблены так, как можно любить в восемнадцать. Чтобы сердце колотилось, руки тряслись, голод не чувствовался. Чтобы подскакивать в шесть утра, бежать, ехать, сходить с ума от того, что прошло уже десять минут, а любимый еще не позвонил. Умирать от разлуки, ждать, дергаться, рваться. Девушка смотрела на юношу влажными глазами лани и боялась лишний раз вздохнуть. Он крепко держал ее за руку и чувствовал себя мужчиной – совсем взрослым, опытным и сильным. Они побежали дальше по тропинке, куда-то торопясь, не замечая луж и всех вокруг. Насте на минуту стало жаль, что она уже никогда так не будет бежать, ныряя по щиколотку в лужи, с задранной на спине футболкой и уже никогда не будет так смотреть на мужчину – покорно и доверчиво.

Через пятьдесят метров на тропинке между домами перед ней появилась еще одна пара – пожилые мужчина и женщина. Обоим было далеко за семьдесят. Они шли, крепко сцепившись друг в друга, склонившись головами и прильнув телами. Женщина то и дело прижималась к мужчине, а он бережно держал ее за локоть и заботливо вел мимо луж. Они медленно шли, явно в парк на прогулку. Шли так, как ходят каждый день люди, давно и хорошо знающие друг друга, чувствующие каждый шаг другого. Прикипевшие, прильнувшие друг к другу душами и телами.

Настя смотрела на эти спины, и слезы наворачивались на глаза. «Вот она, настоящая любовь. Одна и на всю жизнь. Такое бывает. Бывает! – думала она. – Вот мое будущее, я буду точно так же идти рядом с мужем. Счастливые браки бывают!»

Поскольку Настя шла быстрее, чем эта прекрасная пара, то скоро оказалась за их спинами.

– Что ты говоришь? – почти кричала женщина. Видимо, она плохо слышала.

– Я говорю, что мне опостылел твой голос! – ответил тихо мужчина.

– Что? – прокричала женщина, не расслышав.

– Я говорю, опостылел! – закричал в ответ мужчина.

– Что? Суп остыл?

– Голос мне твой о-пос-ты-лел!

– Что ты кричишь? Говоришь в сторону, а я тебя должна слышать! Что я, по губам должна читать? Ты же знаешь, что я свой слуховой аппарат дома забыла!

– Ты и с аппаратом ничего не слышишь, – тихо ответил мужчина.

– Что?!

Настя обошла пару и пошла дальше. Не знала, то ли ей плакать, то ли смеяться. Птички перестали петь, а солнце выключили. Лужи стали просто лужами, а весна – промозглой слякотью.

«С другой стороны, это как посмотреть. Все зависит от ракурса. Лучше бы не подходила к ним на близкое расстояние», – оборвала она себя.

Илона Давидовна

Это была новостройка – четыре дома, образовывавшие каре, вход через арку. В центре – детская площадка. В угловом доме справа, на первом этаже, расположились сразу несколько очень нужных в бытовой жизни заведений. Была здесь и крошечная пекарня, размером в три квадратных метра, молчаливый пожилой хозяин которой пек свежий лаваш, вытирая пот вафельным полотенцем с бабочками. Он не делал хачапури или пиццу, он пек только лаваш, лично разминая пальцами тесто и приклеивая блины к стенке печки. Продавала лаваша его тихая и улыбчивая жена, которая не могла брать денег с ребенка. Местные мальчишки это прекрасно знали, подбегая к лавочке и демонстративно начиная рыться в карманах. Добрая женщина выдавала лаваш на всех и счастливо улыбалась. Потом, конечно, матери этих мальчишек заносили деньги, женщина, улыбаясь, отмахивалась. Деньги приходилось забрасывать в окошко. Жена хозяина складывала мелочь в одноразовый пластиковый контейнер, а бумажки бережно убирала в коробку из-под чая. И даже десять рублей мелочью отправлялись в одноразовую тару, а десятирублевая купюра – в красивую банку.

Рядом, стена к стене, было ателье с висящим над дверью колокольчиком. Здесь тетя Рая подшивала брюки, юбки и джинсы, а ее муж точил ножи. Ателье, не имевшее вывески, так и называлось у местных – «У тети Раи». При этом никто не знал, как звали ее мужа. А встык к ним примыкал салон красоты под вывеской «Анжелика». В просторечье оно звалось «У Арама» и было знаменито рекордно низкими ценами за мужскую стрижку. За сто рублей можно было обслужиться у Наташи, которая стригла быстро и коротко, рассказывая про своего сына, который сначала учился в Суворовском училище, а потом где-то служил. Наташа ничего не могла с собой поделаться и, даже если просили «не снимать много», за разговором о любимом сыне оставляла уставной сантиметр, так, чтобы торчали уши. За сто пятьдесят рублей можно было попасть к Араму – мастеру-виртуозу. К нему приезжали стричься аж из центра города, а все успешные мужчины райончика записывались к нему заранее. Его переманивали в другие места, но он хранил верность своему салончику размером с кухню, со старой мойкой и стенами, нуждавшимися в покраске. Один бог знает почему. Наташа с Арамом сосуществовали мирно – Наташе доставались окрестные мальчишки, Араму – не мальчики, но мужи. При этом оба категорически отказывались стричь и укладывать женщин, хотя те и просили. Так что салон был чисто мужским, как цирюльня из XIX века, как пережиток прошлого, что произошло случайно, и никто не думал делать из этого событие и уж тем более рекламу и деньги. Никто не задумывался и над тем, чтобы переименовать салон, дав ему «мужское» имя.

Администратором работала девушка Анжела, по слухам, дочка хозяйки салона, в честь которой он и был назван. Анжела была глуповатой, но доброй, пытавшейся всем угодить девушкой. Она все путала, никогда не могла все правильно записать, рассчитать время и хоть что-то сделать толком. Каждый раз, когда клиент приходил в назначенное время, Анжела долго смотрела в журнал записи, ахала, бледнела и начинала судорожно оглядываться в поисках помощи и спасения. Иногда, в особо сложных случаях, у нее случался приступ панической атаки. Говоря проще, она начинала хватать воздух ртом, и в чувство ее могла привести только Наташа, умевшая вовремя дать затрещину и побрызгать из пульверизатора водой.

Местные жители быстро разобрались в обстановке и заскакивали в салон «на удачу». Если Арам был свободен, он стриг или говорил, когда подойти. А мальчишки, которых матери отправляли к Наташе, забегали за лавашом или смотрели, как муж тети Раи точит ножи.

Эти новостройки, несмотря на официальный статус района столицы, были маленьким местечковым колхозом, деревней, в которой все друг друга знали если не по имени, то хотя бы в лицо, старались уважать соседей и жить мирно.

Поэтому, когда в угловом доме, в самом крайнем от арки подъезде, долго стоявшем пустым с вывеской «сдается», расположилась стоматологическая клиника, местные жители были крайне возбуждены. Первыми возбудились пенсионеры, которым нужно было поменять мост или сделать новый протез. К ним присоединились люди посостоятельней – те, кто думал отбелить зубы. Ну и не обошлось без суматошных мамаш, которым нужно было поставить пломбы детям. В салоне, в ателье и даже в лавашной обсуждалось, какие цены выставит клиника – доступные или такие, что не подойдешь? А будут ли скидки для пенсионеров и детей? А врачи хорошие? Все-таки окраина, кто здесь работать-то будет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.